

Л. Ф. Баранник (Одесса)

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ ЮГА УКРАИНЫ

Резюме

У статті розглядається національно-специфічна лексика російських островних говорів Півдня України

Ключові слова: національна специфіка діалектів.

Summary

This article shows national-specific South-Russian vocabulary of Russian islands dialects in the South of the Ukraine. Also it shows the dialects taken during the long social-economical, life conditions, cultural contacts with other language neighbors: Ukrainians, Bulgarians and Moldavians.

Key words: national specific dialects, national-cultural part of word meaning, interlanguages and interdialects contacts.

Антропоцентризм современной лингвистики, ее внимание к национально-культурной специфике языка актуализируют исследования, связанные с анализом национально-культурного компонента на всех уровнях языковой системы и прежде всего в лексике, самом подвижном и проницаемом ярусе языка.

О национальном духе языка неоднократно писал Вильгельм фон Гумбольдт, однако нельзя сбрасывать со счетов также большие заслуги славянских исследователей в этом направлении — А. А. Потебни, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, а в настоящее время А. Вежбицкой, В. Касевича и др.

Язык как орган национальной психики, как орудие национального тяготения личности определял Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Он отмечал автоматичность национального языка и неразрывность связанной с ним национальной психики и подчеркивал, что язык и национальность должны пониматься как особая форма накопления и сбережения психической энергии народа [12].

Нельзя не отметить понимание и теоретическое осмысление национального духа разных народов и их языков А. С. Пушкиным. Автор книги «Все о Пушкине» Панкрат Оффенбах пишет о том, что в Михайловском у Пушкина сложилось твердое убеждение: «климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий, привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [15: 160].

Когда Пушкину царь поручил составить записку об образовании, Пушкин советовал при изучении истории показать «разницу духа народов» [15: 207]. Сейчас ни у кого из лингвистов не вызывает сомнения то, что язык — это «дом бытия духа народа». О. А. Корнилов подчеркивает: «...язык — это вместилище души, духа народа, это коллективный продукт национального творчества... Каждый этнический язык — это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры» [9: 133].

Слова, передающие «дух народа», национальный колорит, национальную специфику, свойственны любому языку во всех формах его проявления, как надтерриториальных, так и территориально закрепленных — диалектных. В лексическом значении этих слов присутствует национально-культурный компонент. Он реализуется, во-первых, в признаках, обусловленных спецификой самой жизни этноса — носителя языка, во-вторых, в признаках, вызванных различным «членением» действительности представителями разных этносов. Первая группа признаков, обусловленная внеязыковой действительностью, содержится в названиях предметов, понятий, явлений, характерных для природной среды, материального быта, культуры, общественно-исторических особенностей какого-либо этноса, и вследствие этого являющихся носителями местного, культурного, исторического или национального колорита. Эти признаки и составляют «компонент значения слова, который отражает историко-культурную и экономико-хозяйственную сторону жизни отдельного конкретного народа» [22: 110]. Национально-культурный компонент содержится в наименованиях предметов, явлений, реалий, специфических для жизни говорящих на определенном языке или диалекте. Он является неотъемлемой частью так называемой безэквивалентной лексики, лексических единиц, не имеющих однословных соответствий в другом языке (диалекте) либо в силу отсутствия в общественной практике его носителей соответствующих реалий, либо из-за отсутствия в нем лексем, обозначающих соответствующие понятия.

Термин национально-культурный компонент появился в XX веке. Понятие культурный компонент семантики ввел в научный оборот Н. Г. Комлев в 1969 году в своей монографии «Компоненты содержательной структуры слова». Он подчеркивает, что в культурном компоненте слов выражена «зависимость семантики языка от культурной среды индивидуума» [8: 117].

Исследованию национально-культурного компонента в лексике посвящены труды Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, А. А. Брагиной, Ю. А. Бельчикова, В. И. Шаховского, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, В. М. Телии, С. М. Прохоровой и др.

Согласно концепции Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова семема состоит из понятийных сем и непонятийных, или фоновых, которые выходят за границы языковых значений и отражают особенности референта, обусловленные национальной спецификой культуры, истории, мировосприятия [5: 26]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют общечеловеческие, или интернациональные семы и национально-культурологические, фоновые семы, которые потенциально присутствуют в сознании носителей языка [6]. Ю. А. Бельчиков анализирует социально-исторический, национально обусловленный коннотативный культурный компонент смысловой структуры слова [1: 30].

В. И. Шаховский разграничивает «идеологические и национально-специфические коннотации» [23: 14]. З. Д. Попова и И. А. Стернин указывают на национальную специфику семантики слова [16, 69]. В. М. Телля выделяет культурную коннотацию [20: 245] и анализирует особенности проявления национально-исторического компонента в присущих социуму национально-культурных стереотипах [21: 44].

Благодатный, обширный и разнообразный материал для изучения диалектов в национально-культурном аспекте и, в частности, безэквивалентной национально-специфической лексики представляют островные русские говоры Одесской области Украины, которые отделились от основного русского языкового и диалектного массива в конце XVIII — начале XIX вв. Русские говоры Одесщины длительное время (около 200 лет) находятся в отрыве от материнских, южнорусских диалектов, функционируя в условиях полиязычного окружения: украинского, болгарского, молдавского, гагаузского, немецкого (до 1940 г. соседями русских были немецкие колонисты).

История возникновения русских селений на территории нынешней Одесской области тесно связана с историей заселения Бессарабии. Возникли они в южной части Бессарабии, известной под названием Буджак. Буджаком (по-турецки буджак — угол) этот край называли татары и турки, господствовавшие здесь в XV–XVIII вв. В результате освободительных войн России с Турцией в 1812 г. по Бухарестскому миру Бессарабия была присоединена к России.

По мере освобождения буджакских земель из-под власти турок и татар-ногайцев происходило их быстрое планомерное заселение украинцами и русскими, переселившимися из южных и центральных губерний России (Курской, Орловской, Воронежской, Тульской и др.), старообрядцами, бежавшими от преследований с Дона и Кубани, а также молдаванами, цыганами, гагаузами и иностранными колонистами: болгарскими, сербами, немцами, швейцарцами и др. Вследствие этого Буджак приобрел своеобразную национальную пестроту, в значительной мере сохранившуюся и до наших дней.

Русские переселенцы оказались в разноязычном окружении. По соседству с ними находились украинские, болгарские, молдавские, гагаузские села, а также немецкие колонии. В этой ситуации создалась пестрая языковая картина, когда жители того или иного ареала, населенного пункта начали отделять себя от своих соседей по языковому различию. Изолированность от материковых материнских южнорусских говоров, тесные длительные хозяйственные, бытовые и культурные непосредственные контакты между представителями разных национальностей, населяющих Одесщину, распространенный здесь билингвизм и полилингвизм способствовали, с одной стороны, обогащению заимствованиями лексической системы русских островных говоров, с другой, сохранению в них самобытного архаического исконного южнорусского пласта безэквивалентной лексики, слов с ярко выраженным национально-культурным компонентом лексического значения.

Лексика русских говоров Юга Украины до настоящего времени не была предметом специального исследования в национально-культурном аспекте. В статье рассматривается национально-специфическая материнская лексика русских островных говоров Одесщины и заимствованная из соседних языков и диалектов. Материалом послужили многолетние личные наблюдения, двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины», а также магнитофонные записи диалектологических экспедиций Одесского национального университета разных лет (с 1959 по 2004 гг.)

Наши задачи: 1. на основании сопоставления лексики русских переселенческих говоров Одесщины с материнской выделить традиционный, южнорусский национально-культурный пласт словарного состава исследуемых говоров; 2. выявить наиболее стабильные в семантическом отношении лексико-тематические группы южнорусизмов с национально-культурным компонентом; 3. выяснить причины их устойчивости, степень их распространения в островных говорах; 4. выделить лексические заимствования с национально-культурным семантическим компонентом, воспринятые русскими переселенцами из соседних языков и говоров, распределить их по лексико-тематическим группам; 5. установить причины их заимствования; 6. выявить особенности их функционирования в лексико-семантической системе русских островных говоров Юга Украины.

Для сравнения привлекаются значительные материалы областных, этимологических, исторических и других словарей, а также этнографические источники по южнорусским, украинским, болгарским и молдавским говорам.

Сопоставление словарного состава исследуемых русских островных говоров с данными региональных словарей, этнографических и диалектологических работ по курским, орловским и другим южнорусским говорам XVIII–XIX — начала нынешнего столетия показывает, что в русских гово-

рах Одесщины активно функционирует большое количество слов, характерных для южнорусского наречия. Наиболее богата южнорусизмами с национально-культурным компонентом местная бытовая лексика. Наибольшее количество специфических южнорусских лексем отмечается в лексико-тематической группе названий одежды и обуви, украшений, затем следует группа наименований хозяйственных построек, дома и его частей, далее — названия утвари, предметов домашнего обихода, посуды, пищи, обрядовая лексика, наименования игр, развлечений и т.п. Функционирование большого количества слов, характерных для южнорусского наречия, в речи русских переселенцев, свидетельствует об устойчивости словарного состава переселенческих говоров, долгое время бытующих в отрыве от материнского южнорусского массива. Степень устойчивости данной лексики определяется не только количеством южнорусских слов, но и тем, что они, за немногими исключениями, не подверглись смысловым изменениям, употребляются с прежней семантикой. Семантическая стабильность этих слов объясняется неизменностью реалий, предметов, явлений, понятий, обычаев, которые они обозначают, наличием исконно русского национально-культурного компонента в лексических значениях этих слов. Бережное сохранение в русских селах Юга Украины традиционного южнорусского типа жилища, надворных построек, старинных предметов домашнего обихода, утвари, посуды, пищи, одежды и обуви, головных уборов, обрядов и обычаев способствует тому, что в русских островных говорах удерживаются, например, такие унаследованные от материнских, южнорусских диалектов, лексемы, как: *хата* 'дом и комната в доме', *ворок* 'крытый загон для скота', *половёть* 'постройка для хранения половы', *клетка* 'кладовая'; *настольник* 'скатерть', *скръня* 'сундук', *поставец* 'шкафчик для посуды', *кубзан* 'большой кувшин для хранения молока, масла, солений', *макотка* 'небольшой глиняный горшок для приготовления каши', *корёц* 'ковш', *весёлочка* 'очищенная от коры палочка для помешивания жидкого теста', *емки* 'ухват'; *саян* 'широкополый сарафан на узких лямках', *кйчка* 'старинный головной убор замужней женщины', *поддушник* 'женское украшение в виде ленты, расшитой бисером, повязываемой под шею'; *жамка* 'пряник', *драчёна* 'блюдо из яиц, пшеничной муки и масла', *кўрник* 'свадебный пирог'; *бесёда* 'вечеринка, гулянка', *улиця* 'гулянье молодежи на улице по вечерам'; этимологически прозрачные с ярко выраженной внутренней формой слова, обозначающие составные части южнорусского свадебного обряда: *глядёнки* 'смотрины', *пропдй* 'сватание в доме невесты накануне свадьбы', *свёды* 'гулянье невесты, жениха, их родителей и знакомых накануне свадьбы' и мн. др.

За время длительного существования в полиязычном окружении словарный состав русских островных говоров пополнился заимствованиями из украинского, болгарского, молдавского, румынского и немецкого язы-

ков. Этому способствовал активный обмен материальными и духовными ценностями культуры между этносами, контактирующими на территории Одесщины.

В. В. Мартынов справедливо подчеркивает: «Заимствование предполагает в качестве необходимого условия культурное влияние и экспорт-импорт реалий (новые орудия и средства производства, новые понятия общественной жизни)» [11: 7]. Благоприятным экстралингвистическим фактором, способствующим распространению иноязычных слов в русских островных говорах, явилось также, несомненно, положительное, доброжелательное отношение носителей русских говоров к инациональным культурам и языкам. Примечательно, что еще А. С. Пушкин отметил, что русский язык «...перемичивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам» [17: 341].

Чаще всего заимствования проникали в русские говоры Одесщины вместе с новыми предметами и понятиями, ранее неизвестными русским переселенцам. Заимствования вместе с новыми реалиями нередко называют «культурными» (Ж. Вандриес, А. И. Соболевский, И. И. Огиенко) [4; 19; 13]. Такого рода заимствования «особенно легко переходят из языка в язык вместе с предметами, ими обозначаемыми; предмет несет их вместе с собой, иногда увлекает их очень далеко: слова следуют за вещами» [4: 212]. «Культурные» заимствования представляют собой ценный материал, по которому можно судить об особенностях взаимоотношения одного этноса с другим, о национально-культурной специфике и степени влияния одного языка на другой. К заимствованиям такого рода в наших говорах относятся названия новых актуально важных предметов, явлений, понятий, прочно вошедших в быт русских переселенцев уже в период их жизни за пределами России. Это слова, обозначающие предметы и явления, связанные со спецификой местных природных условий, сельскохозяйственного производства, быта, материальной и духовной культуры. Большую часть этих слов составляют заимствования из генетически и типологически близкородственного украинского языка. Украинизмы проникли во все группы бытовой и сельскохозяйственной лексики, а также в словарь обозначений, связанных с природой, с растительным и животным миром. Отметим, к примеру, названия разнообразных украинских национальных блюд: *галушки*, *варёныцы*, *варёники*, *кулйш*, *капустняк*, *кондёр*, *пампушки*, *узвар* 'компот из сухофруктов' и др.; наименования одежды, обуви, женских украшений, характерных для Украины: *монйсты*, *вышиванка*, *хустка*, *чёботы*, *черевайки* и т. п.; названия строительных материалов, домашнего и сельскохозяйственного инвентаря: *пай*, *цёгла*, *драница*, *гонт*, *перерёзка*, *косарка*, *молотарка*, *сивалка* и др.; наименования народных украинских танцев, игр, музыкальных инструментов: *бандура*, *гопак*, *казачок*, *вечернёйцы*, *шкандыбки* — 'детская игра' и др.; названия растений и их сортов, деревьев, характерных

для Юга Украины: *арнаутка*, *гирка*, *вилька* (сорта пшеницы), *гарбуз*, *рытак*, *шелковица* и др.

У своих соседей-болгар русские заимствовали прежде всего слова, связанные с разведением и обработкой огородных культур: болгары издавна славились как умелые огородники, овощеводы: *градина* 'большой колхозный огород', *градинар* 'огородник', *калистирка* 'небольшая мотыга', *дулап* 'приспособление в виде большого колеса для полива огородов', *каба* 'салатный лук', *рабажика* 'мелкий семенной лук', *патлажан*, *патладжан* 'помидор' и др., а также специфических болгарских блюд и напитков: *маиджа* 'густой постный соус из баклажанов, помидоров, перца и лука', *каларма* 'мясное кушанье с острыми приправами', *пастром* 'вяленое мясо', *ракья* 'сливовая водка' и др.

Из молдавского языка русские переселенцы заимствовали слова, обозначающие реалии, характерные для молдаван: названия типичной для молдаван пищи (*брынза*, *мамалыга*, *плакннда*, *вертута*), одежды, обуви (*барыжик* 'женский головной платок из тонкой шерсти', *бонда* 'душегрейка из овчины', *сошонь* 'женские боты с суконным верхом' и др.), производственной терминологии, связанной с животноводством (*неляточка* 'рано отелившаяся корова', *турма* 'большое стадо овец', *вакарь* 'пастух, пасущий коров', *чабан* 'пастух, пасущий овец' и др.), садоводством и полеводством (*гутуля* 'айва', *пруня* 'мелкая желтая слива', *мирабеля* 'круглая красноватая слива', *папушой* 'кукуруза', *таракуца* 'декоративная тыквочка', *гарман* 'ток', *прашэвать* 'сапать, окучивать' и др.). Вместе с неизвестными ранее русским переселенцам кулинарными изделиями у немецких колонистов русские заимствовали слова: *куха* 'кулич из сдобного теста' (ср. нем. Kuchen), *штрудли* 'слоеный пирог с яблоками, вареньем или другой начинкой' (ср. нем. Strudel).

Большинство иноязычных слов было заимствовано русскими переселенцами устно и подверглось на русской почве фонетической и грамматической адаптации. Среди лексических заимствований, бытующих в русских островных говорах, выделяются ассимилированные и неассимилированные слова. Неассимилированные слова отличаются от ассимилированных ощущаемой русскими звуковой, грамматической и семантической чужеродностью. Неассимилированные заимствования носители русских говоров воспринимают как «чужие», ассимилированные — как «свои».

В русских островных говорах широко употребляются такие заимствования, которые относятся к категории жизненно необходимых в повседневном общении. Обозначая специфически местные, новые для русских реалии, эти слова необходимы в говорах, они обогащают их словарный состав. В лексико-семантической системе русских островных говоров отсутствуют эквиваленты подобных заимствованных слов.

Вследствие длительного влияния одного языка или диалекта на другой слово может быть воспринято из внешнего источника без прямой не-

обходимости в появлении нового наименования, а как второе обозначение уже получившего в языке или диалекте словесное выражение явления или предмета. Это неоднократно отмечалось в работах многих русских, украинских и зарубежных ученых: И. А. Соболевского [19], Л. П. Якубинского [24], А. М. Селищева [18], Ж. Вандриеса [4], И. А. Осовецкого [14], Тамары Лёнгрен [10], П. Е. Гриценко [7] и др.

Так, А. М. Селищев в своем исследовании «Славянское население в Албании» все славянские заимствования в албанском языке делит на две группы: 1) заимствования, «связанные с предметными новшествами» и 2) «не связанные с предметными новшествами». К первым А. М. Селищев относит существительные с предметным значением, ко вторым — не-предметные слова, экспрессивные глаголы, прилагательные, а также названия некоторых явлений природы, отрезков времени и др. [18].

В основном, заимствование иноязычных слов, «не связанных с предметными новшествами», обусловлено большей их экспрессивностью в сравнении с русскими эквивалентами, ярко выраженной внутренней формой, национально-специфической коннотацией и оценочностью. Оценка, как известно, является одним из конкретных проявлений субъективно-национальной природы языка. Такие заимствования в островных говорах Одесщины, как украинизмы *ганьба*, *дзыга*, *высмоктать*, *запроторить*, *катовать*, *охлять*, *путрить*, молдаванизмы *гата*, *мамалыга* в значении 'размазия (о человеке)' воспринимаются носителями исследуемых говоров как слова с яркой эмоционально-экспрессивной окраской по сравнению с их русскими семантическими соответствиями.

Подобные заимствованные слова, кроме чисто рациональной информации, заключают в своих семемах национально-специфические коннотации, свидетельствующие об особенностях национального характера, способах мышления, морально-эстетических и нравственных ценностях носителей языка. Коннотации как бы соединяют в себе сведения о внеязыковой реальности и об отношении субъекта речи к обозначаемому. В каждом языке этот субъективный компонент имеет национально-культурную окраску.

Наблюдения показывают, что национально-специфическая лексика русских островных говоров Юга Украины весьма многообразна. Она представляет собой отражение унаследованных от материнских, южнорусских диалектов материальных и духовных ценностей, выработанных русскими на протяжении столетий, а также приобретенных инонациональных духовных ценностей и артефактов, заимствованных у иноязычных соседей в результате продолжительных социально-экономических, бытовых и культурных контактов в новых лингво- и этнокультурных условиях.

Заимствование — один из важных факторов развития русских переселенческих говоров, постоянно увеличивающее их лексикон. Обогащая и развивая словарь русских островных говоров, заимствованная лексика

благоприятствует превращению его в более гибкое, совершенное средство коммуникации диалектоносителей между собой и с иноязычными соседями. Несомненно, русские островные говоры Одесщины представляют большой научный интерес не только в плане исследования устойчивости исконно русского национально-специфического словарного состава изолированных от основного языкового массива русских диалектов, но и с точки зрения теории межъязыковых, междиалектных контактов, тех проблем, в которых наиболее очевидно история языка переплетается с историей и культурой народа.

Литература

1. Бельчиков Ю. А. О культурном коннотативном компоненте лексики // *Язык: Система и функционирование*. — М., 1988.
2. Брагина А. А. Русское слово в языках мира. — М., 1978.
3. Брагина А. А. Лексика языка и культура страны. Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. — М., 1986.
4. Вандриес Ж. *Язык*. — М., 1937.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М., 1980.
6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура: Лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного*. — М., 1990.
7. Гриценко П. Е. Ареальные варьирования лексики. — К., 1990.
8. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. — М., 1969.
9. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — М., 2003.
10. Лёнгрен Тамара. Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и Житомирщине). — Uppsala, 1994.
11. Мартынов В. В. Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов. — Минск, 1982.
12. Овсянико-Куликовский Д. Н. Психология национальности. — Петербург, 1922.
13. Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке. — К., 1915.
14. Оссовецкий И. А. Лексика русских народных говоров. — М., 1982.
15. Офенбах Панкрат. Все о Пушкине. — СПб., 1997.
16. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. — Воронеж, 1984.
17. Пушкин А. С. О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» // *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т.* — Т. 7. — Л., 1978.

18. Селищев А. М. Славянское население а Албании. — София, 1931.
19. Соболевский И. А. Несколько замечаний о словарном заимствовании. — СПб., 1891.
20. Телия В. М. Русская фразеология, семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. — М., 1996.
21. Телия В. М. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986.
22. Чарикова Е. И. Национальные слова и словарный состав русского языка // *Особенности функционирования русского языка в национальной республике. Проблемы взаимодействия языков*. — Кишинев, 1987.
23. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Учебное пособие к спецкурсу. — Волгоград, 1983.
24. Якубинский Л. П. Несколько замечаний о словарном заимствовании // *Язык и литература*. — Л., 1926. — Т. 1. — Вып. 1-2.